

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.123

А.А. Линченко, В.Н. Сыров, О.В. Головашина

ПРОБЛЕМА ПОСТНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-33-01003
«Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».*

Предпринят анализ современной зарубежной литературы, посвященной изучению возможных форм постнациональной идентичности и условий их реализации. Доминирующим предметом исследования являются поиск и определение приемлемых форм европейской идентичности. Доминирующим контекстом анализа остается сопоставление с национальной идентичностью. В современной литературе преобладает тезис, что постнациональная идентичность не противопоставлена национальной, а находится с ней в отношениях взаимозависимости.

Ключевые слова: идентичность; постнациональная идентичность; национальная идентичность; супранационализм; транс-национализм; космополитизм; конституционный патриотизм.

Как справедливо отметил Зигмунд Бауман, ««этничность», в отличие от любых других оснований человеческого единства, имеет преимущество «натурализирующей истории», представления культурного как «факта природы», свободы как «осознанной (и принятой) необходимости»» [1. Р. 173]. Далее Бауман продолжает, что, по сути, этничность не является предметом выбора, а если он и есть, то воспринимается как выбор «не между различными референтами принадлежности, но между принадлежностью и неукорененностью, домом и бездомностью, бытием и небытием» [Ibid.]. С такой позиции национальная идентичность должна была приниматься как данность, предначертанность, судьба, а история ее становления – как своеобразное обретение себя или путь к себе. Фактически она превращалась и остается доминирующим имплицитным контекстом всяческих рассуждений об идентичности, ее истоках и перспективах. По сути, дискурс, оперирующий выражениями типа «утрата идентичности», «кризис идентичности», подразумевал и подразумевает в качестве непроблематизированного референта именно национальную идентичность. Поэтому всякие становящиеся или возрождающиеся формы вне-, до- или после- национальной идентичности должны восприниматься как размывание, кризис, утрата идентичности как таковой.

Теперь в свете тезиса о национальности как особого рода культурном артефакте [2. С. 29] она чаще трактуется как продукт, во-первых, исторический, становящийся, а во-вторых, как конструируемый или, с легкой руки Бенедикта Андерсона, как «воображенное сообщество». Такое толкование позволяет утверждать, если не эмпирически, то теоретически, что национальная идентичность носит исторически переходящий характер, хотя, как подчеркивает тот же Андерсон, «быть нацией – это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» [Там же].

Вместе с тем, пусть и на чисто теоретическом уровне, тезисы об историчности и конструировании – вполне достаточное основание рассуждать о возможности идентификации и формирования идентичностей, выходящих за пределы национальной идентич-

ности. Более того, к настоящему времени сформировалась традиция, пусть весьма разноголосая, изучения возможных форм такой идентичности и определения путей и условий их реализации. Поэтому наша задача заключается в попытке ее историографического обзора. Во главу угла будет поставлена тема идентичности, получившей в литературе название постнациональной, что подразумевает ее интерпретацию как новой стадии в историческом процессе идентификации.

Видимо, не будет далеким от истины утверждение, что площадкой для формирования и одновременно осмысления проблем и перспектив постнациональной идентичности стали и остаются процессы, происходящие в современной Европе. Иначе говоря, речь идет об европейской идентичности как проекте и процессе [3. Р. 1–25]. Хотя, конечно, в исследовательской литературе справедливо подчеркивается, что процесс складывания постнациональных идентичностей отнюдь не является уникальным и присущим только данному региону [Ibid. Р. 3].

Авторы справедливо отмечают, что первоначально (50–80-е гг.) тема обсуждалась в более технократической, рационалистической и функционалистской манере и трактовалась как проблема европейской интеграции. Иначе говоря, предполагалось, что экономические процессы, которые «объективно» движутся в сторону роста международных взаимосвязей и взаимозависимостей, будут столь же «объективно» стимулировать и усиливать процессы интеграции. Поэтому политические элиты будут вынуждены осознавать «новые интересы и формировать новую политику постольку, поскольку они обусловлены давлением функциональной динамики интеграции» [Ibid. Р. 5].

Естественно, предполагалось, что те же экономические и политические элиты выступят ключевым проводником интеграционных процессов. Столь же резонно ожидалось, что экономические процессы, в конечном счете, обусловят и новые формы политического единства, которые нашли свое выражение в понятии супранационализма, предполагая под ним складывание надгосударственных образований. Тема формирования новой идентичности еще не выходила на передний план, хотя скепсис по поводу готовности

широкой публики «адекватно» откликнуться на вызовы нарастающей глобализации уже тогда имел место.

Можно согласиться с тезисом о том, что «воплощением постнациональной концепции европейской политической идентичности остается, вероятно, Юрген Хабермас» [4. Р. 38]. Без преувеличения можно сказать, что своими работами он спровоцировал появление целого направления исследований. Поэтому стоит остановиться на некоторых аспектах его рассуждений. Прежде всего, экскурс Хабермаса в историю возникновения европейского национального государства явным образом был призван показать, что существующие формы социального и политического бытия отнюдь не являются концом истории и достижением некоторого внеисторического оптимума. «Достижение национального государства состояло, таким образом, в том, что сразу решило две проблемы: на основе нового *способа легитимации* сделало возможной новую, более абстрактную форму *социальной интеграции*» [5. С. 199]. Поэтому эту мысль стоит трактовать как фиксацию достижения еще одной формы интеграции, соответствующей, так сказать, духу времени, что подразумевает возможность ее смены.

Более того, Хабермас отмечает, что с момента своего возникновения национальное государство страдало внутренним противоречием. «У нации два лица. В то время как нация граждан государства (продукта волевого стремления) является источником демократической легитимации, нация соотечественников (продукт природы) обеспечивает социальную интеграцию» [Там же. С. 211]. Соответственно, рано или поздно сокрытое должно было стать явным. «Сегодня, когда национальное государство во внутренних делах осознает вызов, исходящий из взрывных сил мультикультурности, а во внешних – давление со стороны проблемы глобализации, встает вопрос: можно ли найти столь же функциональный эквивалент для того, чтобы связать воедино гражданскую и этническую нацию» [Там же. С. 214].

Хабермас предполагал, что таким функциональным эквивалентом может и должен стать «конституционный патриотизм», а именно способность и желание быть солидарными, хотя и «чуждыми друг другу людьми» [Там же. С. 216] в отношении признания и поддержания некоторого набора принципов. Этот тезис означает, что индивидов должно спланировать не происхождение, место проживания, общность языка и культурных традиций, а верность принципам. Соответственно, и отношение к государству будет определяться тем, насколько оно принимает и следует данным принципам.

Хабермас полагал, что такой проект, бесспорно, носит постнациональный характер. Более того, по его мнению, политика должна «предпринять героическую попытку преодолеть самое себя и основать мощь политического действия на наднациональном уровне» [Там же. С. 225]. Иначе говоря, проект «конституционного патриотизма» с неизбежностью должен приобрести политический характер, поскольку в противном случае альтернативой явится «совершенно децентрализованное мировое сообщество, распадающееся на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся и самоуправляемых функциональных систем»

с моделью существования и поведения в виде транснационального предприятия [Там же].

Помимо так называемых объективных условий формирования конституционного патриотизма, Хабермас обращает внимание на условия, которые можно назвать субъективными. Речь идет, во-первых, о том, что «граждане должны чувствовать потребительскую ценность своих прав также и в формах социальной безопасности и взаимного признания различных культурных прав» [5. С. 216]. Иначе говоря, права должны носить не только политический, но социально-экономический и культурный характер, а также приобретать не только декларативный, но и реально воплощаемый облик. Во-вторых, «конституционные принципы только тогда могут оформиться в общественные практики и стать движущей силой динамически понятого проекта создания ассоциации свободных и равных индивидов, когда они занимают такое место в контексте истории какой-либо нации граждан, что образуют единство с мотивами и убеждениями граждан» [6. С. 222]. Другими словами, как отметил Крейг Кэлхун, «республиканские политические институты опираются не только на определенные политические обязательства, но и на социальную солидарность и коллективную идентичность» [7. Р. 3].

Тем самым размышления Хабермаса прямо или косвенно актуализировали ряд тем. Во-первых, это вопрос об условиях и причинах появления новых форм идентичности, которые получили такое общее обозначение, как «постнациональная идентичность». Во-вторых, это вопрос о том, какие формы идентичности такого рода может и должна приобретать. В-третьих, в чем она может и должна выражаться и проявляться. В частности, это вопрос о необходимости дополнения социальной и культурной идентичности политической идентификацией и вопрос о связи гражданства и идентичности. Все они так или иначе связаны друг с другом, поскольку явная или неявная интерпретация постнациональной идентичности в супранациональном формате, к примеру, с неизбежностью повлечет за собой вопрос о выполнимости или невыполнимости условий реализации именно такого формата идентичности. Так, утверждение, что новое гражданство будет связываться с понятием прав личности, лишенных территориальной принадлежности, все равно предполагает, что «на практике такие интернациональные инструменты должны быть ратифицированы и проводиться в жизнь отдельными государствами» [8. Р. 12]. Джерард Делэнти подчеркивает, что обсуждение проблемы постнационального гражданства невозможно без учета роли идентичности [9. Р. 301].

Резонно предположить, что среди всех этих вопросов ключевым следует считать вопрос о тех формах, которые постнациональная идентичность может приобретать, поскольку именно от возможности максимально расширить инвентарь моделей такой идентичности будет зависеть ответ на вопрос об условиях возможности ее реализации.

Дарио Кастиглионе упрекает Хабермаса в том, что его толкование конституционного патриотизма порождает «риск трансформации в форму супранационализма» [4. Р. 45]. Упрек имеет основания, поскольку

определение новых форм идентификации как постнациональных подразумевает их трактовку как стадии, следующей за национальной идентичностью, а она может быть прочитана как формирование более высокой степени общности по сравнению с нацией. Здесь, конечно, возможны альтернативы. Как отмечает Кастиглионе, «идея общеевропейской идентичности может быть представлена как результат либо исторического раскрытия общего прошлого, либо, в более конструктивистском ключе, как определение корней такой идентичности в европейском настоящем» [4. Р. 36]. Первая версия тяготела бы к тому, чтобы трактовать новый формат идентичности по аналогии с подобием нации и связывать его скорее с «Европой для европейцев» в силу самой направленности поиска оснований такой идентификации. Вторая – связывала бы условия формирования такой идентичности с приверженностью принципам. Но парадоксальным образом противоположности базировались бы на едином основании – предположении о формировании и необходимости формирования так называемого европейского демоса.

Справедливости ради стоит отметить, что уже сам Хабермас полагал, что «интеграционный сдвиг к постнациональной социализации зависит не от некоего “общеевропейского народного субстрата”, а от коммуникационной сети общеевропейской политической публичности» [5. Р. 267]. Но очевидным образом полемика, поднятая его рассуждениями, актуализирует вопрос о необходимости проработки более «тонких» и более гибких версий в толковании постнациональной природы идентичности и, по сути, стала толчком к таким разработкам.

Так, Саския Сассен, ссылаясь на исследование Линды Босняк, считает возможным говорить как минимум о четырех направлениях и формах идентичности, имеющих транснациональный характер. К первому относится, прежде всего, рост так называемой европейской идентичности.

Ко второму относятся эмоциональные связи, которые люди устанавливают и поддерживают в контексте растущего гражданского общества [10. Р. 282]. К ним, по ее мнению, можно отнести объединения, которые связаны с оппозиционной политикой или возникают на основе корпоративных профессиональных цепочек.

К третьему относятся сообщества, возникающие в процессе миграций, в частности диаспоры. Как отмечает Ясемин Союсал по этому поводу, в современных формах диаспор и их практиках можно наблюдать увеличивающееся расхождение между правами и идентичностью, составляющими два основных компонента гражданства [11. Р. 1]. Поэтому анализ современных диаспор, по ее мнению, позволяет наблюдать, во-первых, как партикуляристские (связанные с сохранением специфических культурных традиций к примеру) требования обеспечиваются посредством универсалистского дискурса (прав личности), а стратегии, используемые группами иммигрантов, все больше и больше приобретают межнациональный и субнациональный характер, что парадоксальным образом зачастую только укрепляет эти партикуляристские идентичности. Во-вторых, формы включения и исключения перестают совпадать с границами нацио-

нального. В итоге оказывается предпочтительным трактовать национальное и транснациональное не столько как стадии, одна сменяющая другую в линейном порядке, сколько как конкурирующие уровни, внутри которых может осуществляться продуктивное понимание текущих практик гражданства и идентичности [11. Р. 12–13]. Данные размышления дали основание одному из авторов выдвинуть парадоксальный тезис, что наиболее активными сторонниками европейского патриотизма как постнационального должны стать именно сообщества мигрантов [12. Р. 160].

К четвертому относятся сообщества, формируемые чувством общечеловеческой солидарности (экологические объединения, волонтеры) [10. Р. 282–283].

При последующем движении по этому пути можно руководствоваться тезисом Саскии Сассен, что «исследовательское направление, которое критикует допущение об определяющей связи идентичности с национальным устройством, может охватывать широкий спектр позиций, многие из которых мало что общего имеют с постнациональной концепцией» [Ibid. Р. 281]. Поэтому Сассен правомерно указывает, что многие новые опыты и ориентиры не обязательно являются воплощением новизны, «в ряде случаев они могут быть результатом долгого вызревания или выражением черт, которые имели место еще с начала формирования гражданства как национального института, но только теперь стали явными благодаря современным процессам» [10. Р. 277]. Так, стоит помнить, что создание наций сопровождалось подавлением или трансформацией разнообразных локальных или региональных культурных и социальных сообществ. Соответственно сохранение или возрождение данных форм идентичности позволяет трактовать их скорее в контексте донационального, чем постнационального (если национальное рассматривать как определяющий референт в темпоральном аспекте).

Данные соображения Сассен, во-первых, связаны с тем, что понятие «постнациональный» неявным образом зачастую подразумевает интерпретацию иных форм идентичности как новых, а, во-вторых, как форм с большей степенью общности, чем идентичность национальная. Тем самым в методологическом плане вышеуказанный тезис может означать, что «постнациональное» не является тем понятием, которое удачно покрывает все формы идентификации, которые обнаруживают явную несхожесть с национальной идентификацией. Ведь язык, который в качестве референта оперирует понятием национального, допускает только наличие идентичностей «до» или «после» национальной. Но очевидно, что идентификация, к примеру, с религиозным или научным сообществом скорее предполагает складывание такой идентичности, которую резоннее описывать как «вненациональную». Кроме того, вряд ли можно характеризовать идентичности такого рода как постнациональные еще и потому, что проблематично трактовать их как новые или более масштабные по степени общности (по сравнению с национальной).

Недаром сама Сассен, правда в ином контексте, предлагает различать постнациональное и денациональное, в несколько метафорической форме характе-

ризуя первое – как складывающееся «вне» или «за пределами» национальных форм, а второе – как возникающее и действующее «внутри» и «посредством» национальных форм [10. Р. 286]. В качестве примера она приводит ситуацию, когда расширение гражданских прав, обеспечиваемое национальным государством, позволяет индивидам выступать против своего государства или просто усиливать степень своей автономии от форм, традиционно востребуемых национальной идентификацией [Ibid. Р. 287].

В конечном счете, если что и позволяет характеризовать все эти разнообразные формы как постнациональные, так это предположение, что они идут на смену национальным форматам. При этом, как отмечает Крейг Кэлхун, гражданское общество «подразумевает расширение более-менее самоорганизующихся отношений за пределы как направленного контроля со стороны индивидуальных акторов, так и прямого диктата государств. Это открывает множество свобод, но и от воздействия государства также. Такое положение дел само по себе не является воплощением ни либерализма, ни демократии» [7. Р. 6]. Тезис в полной мере касается как институтов бизнеса, которые считаются наиболее ярким воплощением и действительной реализацией постнационального формата к настоящему времени, так и различных общественных движений. Как справедливо отметил тот же Кэлхун, «сами по себе они не за- ни антидемократичны» [Ibid. Р. 7]. Стоит вспомнить, что Хабермас в качестве одного из возможных сценариев «преодоления» национального государства описывает мир, а точнее путаницу «самоутверждающихся систем, свободных от каких бы то ни было норм» [5. С. 226].

Вышеприведенные рассуждения выявляют еще один важный контекст в выборе и анализе различных форм идентичности, а именно контекст идеологический и политический, связанный с перспективами формирования или сохранения гражданского общества. Иначе говоря, это вопрос о приемлемости и условиях такой приемлемости по отношению ко всем разнообразным формам становящейся или возрождающейся идентичности. Данное соображение возвращает нас к теме европейской идентичности, поскольку именно она остается не только флагманом в процессе формирования новой идентичности, но и, так сказать, «полем битвы» за сохранение и развитие демократических завоеваний на этом пути.

Здесь стоит обратить внимание на размышления Джерард Делэнти о возможных моделях европейской идентичности. Собственно говоря, с той или иной степенью полноты и эксплицитности они проговариваются практически во всех рассуждениях о постнациональной идентичности, поэтому тезисы Делэнти можно рассматривать как их своеобразную концентрацию. Он выделяет четыре возможных модели: «моральный универсализм, постнациональный универсализм, культурный партикуляризм и прагматизм» [13. Р. 346]. Критерий их оценки или определение сильных и слабых сторон автор видит в их возможности, с одной стороны, сохранить своеобразие или «европейскость», а с другой стороны, предложить альтернативу или сопротивление тем формам идентичности, что строятся на ксенофобии и расизме [Ibid.]. Иначе говоря, он ищет возможность найти

третий путь между моральным универсализмом и культурным партикуляризмом.

С этой целью автор предпринимает анализ выделенных им моделей. «Первая модель предполагает определение европейской идентичности в терминах универсальных человеческих ценностей, таких как права человека, гуманизм или справедливость» [13. Р. 347]. Делэнти правомерно отмечает, что в самих этих ценностях нет ничего специфически европейского, что они несут скорее «западный», чем собственно европейский характер и к тому же не предоставляют соответствующих институциональных форм для предполагаемого сообщества [Ibid. Р. 347–348].

Вторая модель связывает идентичность со специфическими институциональными и когнитивными достижениями европейского наследия, в частности с разработкой соответствующих учреждений, что добавляет к чисто моральному еще и правовое измерение [Ibid. Р. 348]. К данному подходу Делэнти относит, в частности, «конституционный патриотизм» Хабермаса. Здесь критические стрелы в адрес немецкого мыслителя повторяют упреки, которые, как правило, предъявляются идеям Хабермаса. «Однако конституционный патриотизм как на общеевропейском, так и на национальном уровне представляет собой слишком слабую связь, чтобы обеспечить национальное согласие и породить чувство коллективной принадлежности» [14. С. 197].

Третья модель строится на идее особого культурного наследия как фундамента европейской идентичности. По сути, она строится на «предпочтении различий над единством» и предполагает явное или неявное использование оппозиции свой / чужой и фактически носит, с одной стороны, антиамериканский характер, а с другой стороны, фактически маргинализует или исключает роль неантичной или нехристианской традиции в формировании европейского наследия [13. Р. 349–350]. Этот подход находит свое отражение в известной метафоре «европейская крепость», «крепость Европы» или «Европа как крепость». Наконец, им выделяется прагматистская модель, которая «отличается от культурной модели тем, что опирается не столько на культурные, сколько на социально-экономические аспекты жизни» [Ibid. Р. 351]. Иначе говоря, она актуализирует не столько нормативное измерение идентичности, сколько реальные жизненные практики, такие как поп-музыка, спорт, туризм, общеевропейская валюта, институты гражданского общества. Однако Делэнти полагает, что эти аспекты более выражают общие черты современного капитализма в целом, а не Европы как таковой, и реализуются скорее на уровне элит, а не широких масс [Ibid. Р. 351–352].

Сам Делэнти в противовес вышеописанным моделям выдвигает альтернативную концепцию европейской идентичности, которую именует «европейским космополитизмом» и предлагает описывать в терминах не столько поиска общего культурного наследия, сколько наличия различий, конфликтов, травм [Ibid. Р. 353–354]. Такой космополитизм предполагал бы определение не сходств, а различий, и поиск механизмов не их унификации, а согласования. Говоря словами Делэнти, он строился бы не на отделении политического от культурного, а на опознании поли-

тического в культурном [Ibid. P. 354]. Такая концепция идентичности обретала бы коммуникативный характер, направленный не столько на поиск общих символов, сколько на выработку продуктивных форм принятия других, и тем самым предполагала бы многоуровневую реализацию, а именно включение в ее орбиту локального, национального и транснационального уровней существования [13. P. 355].

Эту же мысль Делэнти проводил ранее в рассуждениях о перспективах постнационального гражданства, когда подчеркивал, что большее значение для его реализации имеет вопрос не об усилении связей индивидуальных граждан и институтов Евросоюза, а об институализации связей между региональными органами власти и Евросоюзом и открытости последнего международным социальным движениям (типа Гринпис) [9. P. 299–300].

Свою позицию по поводу сути европейского космополитизма автор проясняет в последующих статьях, подчеркивая его отличие от таких концепций европейской идентичности, как «европейского народа, европейского общества, европейского супергосударства или европейского наследия» [15. P. 417] и подразумевая тем самым рефлексивное отношение как к национальному, так и к глобальному уровням. Поэтому космополитическая идентичность должна воплощаться в плюралистических культурных моделях, а не в супранациональной идентичности. Хотя автор и указывает, что такая плюралистичность не должна сводиться к простому сосуществованию различий в духе мультикультурализма. «Взаимное оплодотворение, которое происходит, когда общества контактируют, ведет, с одной стороны, к более фиксированным социальным формам, а с другой стороны, к определенной логике конвергенции» [Ibid.].

Делэнти отмечает, что «в качестве космополитической идентичности европейская идентичность представляет собой форму постнационального понимания, которая находит свое выражение не только за пределами, но и в рамках самих национальных идентичностей» [Ibid.]. В более ранней статье он делал упор на то, что постнационализм и национализм могут быть рассмотрены не как дискурсы, фундаментально противопоставленные друг другу, но как выражения одного и того же дискурса [16. P. 372]. «Мы нуждаемся как в полисе, так и в космосе, для того чтобы защитить себя от крайностей как того, так и другого» [Ibid.]. Автор резонно полагает, что столь резкая оппозиция национального и постнационального зачастую связывается с неявной редукцией национального к националистическому. Но проблема, по его мнению, в том, что современный национализм представляет собой не столько воплощение культурного превосходства, сколько выражение снижения социального и истощения гражданского компонента политического сообщества [Ibid.].

Тезис о необходимости пересмотра соотношения национального и постнационального постепенно становится общим местом в размышлениях современных исследователей. «Постнациональное сосуществует с национальным. Они не отделимы» [17]. «Национальное и постнациональное таким образом не полностью различны, а взаимосвязаны подобно грациям на

шкале, в которой глобализация и национализм представляют собой полярные элементы, которые одновременно структурируют и разграничивают связную систему» [17]. Как отмечает Андреа Шенклер, «национальная и европейская идентичности выглядят скорее совокупными или вложенными друг в друга, чем антагонистическими» [18. P. 32]. Все эти рассуждения представляют собой одновременно поиск как более гибких трактовок постнациональной идентичности, так приемлемых метафор (снаружи / изнутри, гнездо, множественность, уровни, единое во многом, европеизация национального, национальное без националистического и т.д.), в которых могло бы найти адекватное выражение установление ее соотношения и взаимоотношения с доминирующей (национальной) формой идентичности. С этой точки зрения тезисы различных авторов могут быть представлены как варианты продуктивной проработки данных метафор и образов.

Эти положения позволяют делать еще один шаг в обсуждении данной темы, а именно шаг методологический. Как подчеркивает Саня Ивик, базисные концепты, которые обычно используются для характеристики постнациональной идентичности, а именно «европейские ценности», «европейская идентичность», «европейское наследие», «европейская культура», «до сих пор определяются как фиксированные категории внутри рамок правового дискурса Евросоюза» [19. P. 252]. По сути, «идея европейской идентичности остается модернистским понятием идентичности как стабильного и автономного субъекта» [Ibid. P. 247]. Тем самым Саня Ивик и подобные авторы ставят вопрос о необходимости пересмотра самого понятия идентичности для определения перспективных путей трактовки постнациональной идентичности. Так, модерн строился на характеристике идентичности как фиксированного, гомогенного, стабильного образования. Но такая эссенциалистская трактовка отдает предпочтение стабильным формам идентичности и изолирует их от других возможных форм. «Следствие такой политики идентичности – расизм, ксенофобия и разнообразные формы дискриминации» [Ibid. P. 239]. Трактовка этнических групп как гомогенных и фиксированных образований без учета того факта, что различные индивиды могут иметь «различные нарративы, опыты и перспективы», препятствует разработке более гибких путей политики включения [Ibid. P. 242]. Данное положение дел требует использование другого (постмодернистского) языка для описания идентичности, языка, который вбирал бы в себя и актуализировал аспекты гетерогенности, фрагментарности, флюидности, динамичности, диалогичности и т.д. Поэтому концепция европейской идентичности «нуждается в переописании в языке, который бы принимал во внимание постмодернистские и постнациональные концепции, поскольку именно они сопоставимы с плюрализмом и разнообразием европейских обществ» [20. P. 404].

Таким образом, краткий историографический анализ проблемы постнациональной идентичности и ее интерпретаций показывает нам, что пока они более описываются в теоретическом пространстве современного социально-гуманитарного знания, чем реализуются в повседневной практике. «Скорее это отчетливое

заявление надежд и условий желаемого будущего, равно как и описание трендов» [21. Р. 269]. Можно также говорить о масштабной критике концепта постнационального и даже росте скептического отношения к перспективам формирования постнациональной идентичности вообще (особенно в рамках Евросоюза). Но, как правомерно отметил Александр Кустарев по поводу недавних событий, хотя «Брекзит» чаще всего интерпретируется как сигнал начавшегося демонтажа (развала) Евросоюза», это может также означать, что «глобальный порядок будет иметь не только вертикальную, но и горизонтальную структуру» или предполагать иную структурную корректировку [22].

Тем самым анализ постнациональной идентичности может свидетельствовать о присутствии и вызревании явления, отличного от идентификационных практик эпохи доминирования национальных государств и требующего дальнейшего осмысления. В современных работах такой анализ осуществляется в дискурсе глобализации, кризиса национального государства, проблем будущего Европейского союза, глобального гражданства, а также обсуждения путей идентификации в контексте исследований трансформации национальных идентичностей в современном мире. Разные сферы исследования порождают различные трактовки данного понятия. При этом стано-

вится очевидным, что прежние форматы, в которых создавались нарративы описания национальной идентичности, вряд ли будут успешными в деле осмысления постнациональной идентичности.

Еще одной существенной сложностью оказывается то, что, по сути, мы имеем дело с элементами постнациональной идентичности, возникающими помимо и внутри привычных нам форм национальной идентификации. Данные элементы, как правило, представляют собой отдельные практики или группы идентификационных практик, определение и классификация которых – дело дальнейших исследований. Более того, элементы постнационального проникают и в сами практики национальной идентификации, дополняя, сочетая или преобразуя их. Еще более интересным оказывается анализ интегративных возможностей постнациональной идентификации. Какая модель целостности и интеграции будет наиболее подходящей в подобном случае? Тренд на междисциплинарность в изучении постнациональной идентичности также оборачивается мозаичностью ее определений и интерпретаций. В любом случае новое тысячелетие и далее будет изменять механизмы идентификации человека в культуре, среди которых постнациональной идентичности суждено занять, возможно, и не первое, но отнюдь и не последнее место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Polity Press, 2000.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
3. Checkel J.T., Katzenstein P.J. The politicization of European identities // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 1–25.
4. Castiglione D. Political identity in a community of strangers // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2009. P. 29–51.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
6. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, 1995. С. 209–245.
7. Calhoun C. Nationalism, postnational identity, and the project of a European public sphere. 2000. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/48815/> (дата обращения: 26.04.2017).
8. Dementriou M. Towards Post-Nationalism? Diasporic Identities and the Political Process // Center for International Studies. Discussion Paper № 6/99 (Aalborg, Denmark: Center for International Studies). 1999. URL: http://vbn.aau.dk/files/40334991/No6SpiritDiscussionPaper_MadeleineDementriou_.pdf (дата обращения: 26.04.2017).
9. Delanty G. Models of citizenship: Defining European identity and citizenship // *Citizenship Studies*. 1997. Vol. 1, № 3. P. 285–303.
10. Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship // *Handbook of Citizenship Studies* / ed. by Engin F. Isin, Bryan S. Turner. SAGE Publications Ltd., 2002. P. 277–291.
11. Soysal Y.N. Citizenship and identity: living in diasporas in post-war Europe? // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23, № 1. P. 1–15.
12. Fernández Ch. Patriots in the Making? Migrants, Citizens, and Demos Building in the European Union // *Journal of International Migration and Integration*. 2012. № 13. P. 147–163.
13. Delanty G. Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism // *Perspectives on European Politics and Society*. 2002. Vol. 3, № 3. P. 345–359.
14. Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // *Этнографическое обозрение Online*. 2014. № 1. С. 193–199.
15. Delanty G. The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization // *International Review of Sociology*. 2005. Vol. 15, № 3. P. 405–421.
16. Delanty G. Self, other and world: Discourses of nationalism and cosmopolitanism // *Cultural Values*. 1999. Vol. 3, № 3. P. 365–375.
17. Nunn T.M. What Is Postnationalism? URL: https://repository.unm.edu/bitstream/handle/1928/13704/Nunn_What_is_Postnationalism.pdf?sequence=3 (дата обращения: 26.04.2017).
18. Schlenker A. Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU // *Global Society*. 2013. Vol. 27, № 1. P. 25–51.
19. Ivic S. *European Identity and Citizenship. Between Modernity and Postmodernity*. Palgrave Macmillan UK, 2016.
20. Ivic S., Lakicevic D.D. European identity: between modernity and postmodernity // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2011. Vol. 24, № 4. P. 395–407.
21. Calhoun C. Constitutional Patriotism and the Public Sphere: Interests, Identity, and Solidarity in the Integration of Europe // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2005. № 8. P. 257–280.
22. Кустарев А. Брекзит как зеркало глобализации // *Неприкосновенный запас*. 2016. Т. 110, № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/6/brekzit-kak-zerkalo-globalizacii.htm> (дата обращения: 26.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 мая 2017 г.

THE PROBLEM OF POST-NATIONAL IDENTITY: THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 79–85.

DOI: 10.17223/15617793/419/10

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat@inbox.ru

Oksana V. Golovashina, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation). E-mail: genesta@yandex.ru

Keywords: identity; post-national identity; national identity; supranationalism; transnationalism; cosmopolitanism; constitutional patriotism.

The article analyzes contemporary foreign literature devoted to the study of possible forms of post-national identity and the determination of ways and conditions for their implementation. The analysis of the problem of post-national identity and its interpretations shows that while they are more described in the theoretical space of modern social and humanitarian knowledge than are realized in everyday practice. In the current situation, it is necessary to talk about a large-scale criticism of the post-national concept and even the growth of a skeptical attitude toward the prospects for the formation of post-national identity in general. It is noted that the dominant subject of the study is the search and determination of acceptable forms of the European identity. The dominant context of analysis is its comparison with national identity. One can agree with the thesis that Jurgen Habermas is probably the embodiment of the post-national concept of the European political identity. Without exaggeration, we can say that he provoked the emergence of a whole line of research with his works. The reflections of Habermas directly or indirectly actualized a number of topics. First of all, this is the question of the conditions and reasons for the emergence of new forms of identity, which have received such a general designation as “post-national identity”. Secondly, it is the question of what forms the identity of this kind can and should acquire. Thirdly, it is what it can and must be expressed and manifested in. In particular, this is the question of the necessity to complement the social and cultural identity with the political identity and the issue of the relationship between citizenship and identity. All of them are related in one way or another, because an explicit or implicit interpretation of post-national identity in a supranational format, for example, inevitably entails the question of the feasibility or impracticability of the conditions for the realization of this particular identity format. In modern literature, the thesis prevails that the post-national identity does not dominate or is opposed to the national one, but is in the relations of complementarity, correlation and interdependence with it, ripening not outside but inside the latter. This thesis can be presented in the context of the discourses of globalization, the crisis of the national state, global citizenship. The trend towards interdisciplinarity in the study of post-national identity under modern conditions turns into a mosaic of its definitions and interpretations.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*. Polity Press.
2. Anderson, B. (2001) *Voobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English. Moscow: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole.
3. Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) (2009) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–25.
4. Castiglione, D. (2009) Political identity in a community of strangers. In: Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (eds) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Habermas, J. (2001) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of another. Essays on political theory]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
6. Habermas, J. (1995) *Demokratiya. Razum. Nrvstvinnost'*. *Moskovskie lektzii i interv'yuu* [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews]. Translated from German. Moscow: KAML. pp. 209–245.
7. Calhoun, C. (2000) *Nationalism, postnational identity, and the project of a European public sphere*. [Online] Available from: <http://eprints.lse.ac.uk/48815/>. (Accessed: 26.04.2017).
8. Dementriou, M. (1999) *Towards Post-Nationalism? Diasporic Identities and the Political Process*. Center for International Studies. Discussion Paper 6/99 (Aalborg, Denmark: Center for International Studies). [Online] Available from: http://vbn.aau.dk/files/40334991/No6SpiritDiscussionPaper_Made-leineDemetriou_.pdf. (Accessed: 26.04.2017).
9. Delanty, G. (1997) Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*. 1:3. pp. 285–303.
10. Sassen, S. (2002) Towards Post-National and Denationalized Citizenship. In: Isin, E.F. & Turner, B.S. (eds) *Handbook of Citizenship Studies*. SAGE Publications Ltd.
11. Soysal, Y.N. (2000) Citizenship and identity: living in diasporas in post-war Europe? *Ethnic and Racial Studies*. 23:1. pp. 1–15.
12. Fernández, Ch. (2012) Patriots in the Making? Migrants, Citizens, and Demos Building in the European Union. *Journal of International Migration and Integration*. 13. pp. 147–163.
13. Delanty, G. (2002) Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism. *Perspectives on European Politics and Society*. 3:3. pp. 345–359.
14. Dykoff, A. & Filippova, E.I. (2014) Pereosmyslenie natsii v “postnatsional’nyuu” epokhu [Rethinking the nation in the “post-national” era]. *Etnograficheskoe obozrenie Online*. 1. pp. 193–199.
15. Delanty, G. (2005) The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization. *International Review of Sociology*. 15:3. pp. 405–421.
16. Delanty, G. (1999) Self, other and world: Discourses of nationalism and cosmopolitanism. *Cultural Values*. 3:3. pp. 365–375.
17. Nunn, T.M. (2011) *What Is Postnationalism?* [Online] Available from: https://repository.unm.edu/bitstream/handle/1928/13704/Nunn_What_is_Postnationalism.pdf?sequence=3. (Accessed: 26.04.2017).
18. Schlenker, A. (2013) Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU. *Global Society*. 27:1. pp. 25–51.
19. Ivic, S. (2016) *European Identity and Citizenship. Between Modernity and Postmodernity*. Palgrave Macmillan UK.
20. Ivic, S. & Lakicevic, D.D. (2011) European identity: between modernity and postmodernity. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 24:4. pp. 395–407.
21. Calhoun, C. (2005) Constitutional Patriotism and the Public Sphere: Interests, Identity, and Solidarity in the Integration of Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 8. P. 257–280.
22. Kustarev, A. (2016) Brekzit kak zerkalo globalizatsii [Brexit as a mirror of globalization]. *Neprikosnovennyi zapas*. 110:6. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/6/brekzit-kak-zerkalo-globalizacii.htm>. (Accessed: 26.04.2017).

Received: 05 May 2017